

MINICITID

ЗАГАДКИ СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШИ

Александр ГАРКАВЕЦ, доктор филологических наук

Когда раскопки дважды разграбленного кургана были практически закончены и бульдозеристы, огорченные неудачей, собирались уходить, неумный начальник отряда Бекен попросил не торопиться и пройти еще пару раз сбоку. Случай или воля небес – вскрылось второе, боковое захоронение, как потом выяснилось, соперничающее с усыпальницей Тутанхамона. О находке тут же позвонили в Алма-Ату Кемалю Акишеву, руководителю экспедиции и автору подробного описания этого бокового захоронения [1] на могильнике из 80 опустошенных курганов. Вскоре весть о сенсационной находке стала достоянием всей страны.

Габит Мусрепов, написавший сценарий кинофильма «Кыз Жибек», связался со съемочной группой и предложил использовать бутафорию с тюркской руникой. По книге Сергея Ефимовича Малова нанесли небольшую надпись на стелу. Украсили рунами посох старейшины. И даже первым кадром фильма пошло его название в рунах. К этому приложили руку редактора фильма – молодые писатели Аскар Сулейменов и Олжас Сулейменов. По ходу дела Олжас попытался понять надпись на серебряной чаше размером 75-77×22 мм, воспользовавшись только что вышедшим «Древнетюркским словарем». И 31 октября 1970 года опубликовал свое понимание в «Комсомольской правде» и местных газетах: «Сын хана в двадцать три (года) умер, имя и слава (народа) обратились в прах / иссякли». Одним словом, казахи неистово воодушевились, почувствовав себя народом с великой тысячелетней культурной традицией. Сорок лет спустя Бекен – теперь уже маститый археолог-аксакал Бекмуханбет Нурмуханбетов, основатель Иссыкского музея, перекопавший тысячи тонн земли своим совочком, вспоминая эти события, подытожил: «Наконец, мы поняли, что за человек был этот Алтын Адам. Он же воин! Иссыкский воин! Царевич! А его головной убор – не остроконечная шапка саков-тиграхауда (букв. «в остроконечных шапках») наскальной Бехистунской надписи Дария, а остроконечная корона. Царская. Значит, была уже государственность. Неслучайно на нашем гербе крылатые тулпары-единороги с его короны. Он собрал нас в час независимости. Он по праву – наш символ». Что касается выражения «царская шапка», то, без сомнения, это – ссылка на персидское шаһ-і куле «шапка шаха» и одновременно – на общенациональный праздничный головной убор казахских невест и молодых, называемый саукеле. Эта высоченная конусообразная шапка в идеале столь же богато украшена и тоже красного, царского цвета. Подобный убор носят и кыргызки, называя его еще более созвучным словом шөкүлө. Принят он отчасти у каракалпаков, алтайцев и ближайших родственников и соседних народов. То есть именно там, где

обитали загадочные саки-тиграхауда. Не прошло много времени, как в сторону Олжаса понеслись письма от критиков, о чем он напомнил в эссе «Аз и Я»: «...Авторы восприняли наше сообщение, прочтение и выводы как результат незнания «очевидных», «твердоустановленных» положений, как-то: орхоно-енисейское письмо возникло не раньше V–VI веков нашей эры на основе одного из позднейших иранских вариантов арамейского письма. Эта дата подтверждается незыблемыми в тюркологии авторитетами; следовательно, Иссыкскую надпись никак невозможно относить к тюркским рунам, скорее всего чаша с надписью занесена из стран, применявших арамейское письмо, вероятно, из Ирана, и случайно попала среди утвари в курганное захоронение. Таким образом, содержание надписи не должно отражать ситуацию, т. е. не эпитафия. Следует ожидать, что надпись содержит ираноязычный или семитский текст». Так и случилось. Венгерский лингвист Янош Гарматта в 1999 году прочел ее по-ирански – на хотано-сакском диалекте: za/m/-ri ko-la/m/ mi/m/-vam-vam-va ra-zam ra-na de-ka mi/m/-ri-to na-ka mi ra-zam vam-va va-za/m/-na vam Чаша должна содержать виноградное вино, добавлена приготовленная пища, [пусть да] приумножится для смертного. Затем туда добавлено приготовленное свежее масло [2, с. 411–412]. Свои иранские чтения предложили Селахи Дикер и Эдуард Хуршудян, а Ф. Хамори прочел по-венгерски [3]. Сергей Рябчиков – на славянском: р(i)-u-r-u v(e) n-r v(e) l-e-sh s-e v(e)-e-r A-n-i p(e)-u-t n-b-e-u Сказочная лошадь, в, в ярости, стремление Огонь, небесная тропа; поворачиваться, это пожар/верх; небо. Игорь Сергеевич Кузнецов прочел эту эпитафию с помощью «влесовицы» и перевел так: И бых ище Арсатану Пещуру, хто весь зря узашан, т. е. и был еще Арсатан Пращур, кто весь зорко защищал. Его подход поддержал Валерий Алексеевич Чудинов, а Галина Григорьевна Котова дала свою не менее изощренную интерпретацию: БоХ ИЩЁ АКСАУХАНУУ ПИЩУ СИУСИ ХУХ ХаЗЯИН УЖАЩАН «БОХ ЕЩЁ АКСАХАНУ ЗАБОТУ СЕСЬ ГРОХНУЛ, ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ» или «БОХ, ЕЩЁ ПЕЧАСТЬ ОБ АКСАХАНЕ, ТАК НЫНЕ ГРОХНУЛ, ЧТО ХОЗЯИН УЖАСНУЛСЯ». Линию тюркских чтений повёл наш крупный специалист в области руники Алтай Сарсенович Аманжолов [4]. Вот его чтение 1971 и следующих годов: ауа саҥа оҥуq = Ауа, саҥа оҥуq!

bäs čök boqun ičr(?)ä uzuq ...i = Bez, cök! Boqun ičrä [r?] azuq! ...i Старший брат, тебе (этот) очаг. Чужой, опустишь на колени! (Да будет) у поколения пища Вариант: Старший брат (это) очаг для вас! Незнакомец, преклонись! Потомство [пусть имеет] еду! Чтение А. С. Аманжолова принял и несколько модифицировал Насимхон Рахмонов: Azuq, očuq at atsar, ash azaq, Utashta qan asu Если пища и родина будут далеко, друг останется внизу или Уташта хан станет хозяином. Еще одно чтение предложено на сайте Рустама Абдубаитовича Абдуманапова

«Центральноазиатский исторический сервер», читается справа налево
сверху вниз и тоже вверх ногами: OĜA SeN ANg İÇ SaK

ИЧ А УТ N(1X)

↑X↓ ↑↑ NN ЧТЧ SA УА ХЧ

SöZ eReNg öGüNç SƏS-üNİ eRiR ÜZƏ Сак, испей ты клятву во имя народа!
Слово донесет голос и славу восхваления эрена на небеса. Вариант: Сак,
испей ты клятву именем (своего) народа! Слово (данное при клятве)
вознесет голос и славу восхваления эрена на небеса. Еще один вариант:
Сак, поклянись именем своего народа! Клятвенно данное слово возносит
голос хвалы и славу эрена на небеса. В литературе и в интернете
имеется немало и других толкований, и все они оспариваются как
неубедительные по причине бросающейся в глаза неестественности.
Мне чтение тоже не очень удавалось, пока не посчастливилось
исследовать саму эту чашечку воочию, с лупой. Затем – по снимкам
высокого разрешения, выполненным фотографом Национального музея
РК Канатом Кудайбергеновичем Мусиным с моей помощью.
Скрупулезное исследование артефакта показало, что надпись
наносилась не штихелем, а закруглённым концом лезвия стального
ножа и не процарапывалась, а продавливалась, причем правой рукой и
от себя, не в один прием и не вполне уверенно. Это видно по характеру
бороздок, они извилисты и прерывисты, вытесняемый металл сдвинут
преимущественно влево и вперед. Острые углы и зигзаги букв,
типичные для надписей в виде насечек и резьбы, превратились в
плавные дуги поворотов ножа. Еще одна важная техническая деталь –
неоднократные попытки нанести одни и те же элементы. Надпись
производилась на месте захоронения, буквально на колене. Чашечка
малюсенькая, а нож большой и работа мелкая. Строку приходится
загибать, буквы прыгают, перекашиваются, промежутки становятся
меньше, текст уплотняется. Из-за этого элементы символов зачастую
дублируются. Да еще помимо воли возникают странные завитушки,
словно неопытный гравёр делал это чуть ли не впервые в жизни.
Многое из этого хорошо просматривается на прорисовке Кемаля
Акишева 1978 года. Прорисовка уточнена нами в отношении не
показанных ранее штрихов внизу и слева (один из элементов внизу
посередине А. С. Аманжолов принял за букву і), и первой буквы нижней
строки, начертание которой, как я понимаю, содержит доработку и
двойную правку. Правее нее на разном расстоянии друг от друга
имеется еще несколько пробных вертикальных прямых коротких
штрихов. Здесь изображение намеренно увеличено. Реальный размер
показан шкалой в сантиметрах.

Геометрически правильный рисунок слева вверху имеет одно назначение. Это – намеренно процарапанное для лучшего сцепления место крепления отпавшей ручки, на что указывают следы окалины. Сама ручка для ношения чаши на поясе могла быть сделана из другого металла в виде перстня с плоской прямоугольной печаткой. Царапины слева посередине и рисунок внизу образовались случайно в ходе пользования. Все их разной глубины тонкие черточки заметно залощены, одни больше, другие меньше, а значит появились они не одновременно. Рельеф надписи, напротив, однороден в целом, в равной мере лишь немного потёрт, вероятно, во время очистки. Отбросив технические помарки и учтя перемены в написании символов к эпохе орхоно-енисейских рунических памятников, мы получили две довольно чёткие строки, идущие против часовой стрелки. Первая – ближе к краю чаши, вторая – по центру. Строки мы набрали внешне несколько отличающимися стандартными тюркскими руническими символами шрифта Öztürk, иногда зеркальными или перевернутыми, но авторские версии правой буквы нижней строки все-таки пришлось перерисовать.

Определившись с направлением письма, к нашему собственному удивлению, мы ясно прочли, как по учебнику, следующий древнетюркский текст, который как бы сам собою перевёлся на украинский и русский языки: Qiz-er, içiñ, oqu-sünügü čezib, köçü añsağ. То же самое казахской кириллицей: Қыз-ер, ічің, оқу-сүнүгү чезіб, көчү аңсағ. Дівчино-герою, випий, коли ми, відторочивши стріли-спиши, поминатимемо кочівлю Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья, будем поминать кочёвку. И в переводе на казахский: Қыз-ер, ішің, оқ-сүңгү шешіп, көшті аңсақ (еске түсірсек). Перевод на татарский Ильнура Мидхатовича Миргалеева: Кыз-ир, эчең, ук-сөңге чишеп, күчне аңсак (аңга китерсек). По своему строю это ритуальное обращение представляет собой лаконичное стихотворение из трёх ритмических групп в 2, 3 и 2 двухсложных стопы. Первый слог каждой стопы – короткий, второй – долгий, что-то вроде ямба античной силлабической метрики. В угодую ритму в слове sünük (süñük) «копье, пика», выступающем в винительном падеже, редуцирована группа nū: sünügü. Впечатляет изящество грамматики. В этой эмоционально прочувствованной и абсолютно выверенной по содержанию фразе, символизирующей высокую мудрость единства мира живых с миром усопших, каждая частица несёт максимальную смысловую нагрузку. Обращение кратко, без междометий и притяжательных формантов.

Призыв к общению через совместное испытание освященного напитка передан не грубо-императивно вроде иĉ «пей», а более интимно, как накоротке обращаются к кому-то одному в кругу присутствующих, выделяя его из многих: иĉиĉ «выпей вот ты». Пауза. Далее – мир живых. Они отягощены бременем оружия, постоянных войн и мирской суеты. Снова винительный падеж оформлен аффиксом, что придает оттенок определенности: оqu-sünjügü «вот эти стрелы и копья, о которых ты знаешь». Не абстрактное оq-sünjük «всякие стрелы и копья», а конкретные тяготы собравшегося народа, который, освободившись от повседневных уз тривиальной жизни, может посвятить какое-то короткое время общению с дорогим человеком, безвременно покинувшим этот мир. И далее – ключевое слово köĉ «кочёвка», переход в другую область, а может – и в другой мир. Тоже в оформленном аффиксом винительном падеже. То есть не кочёвка вообще, а та конкретная перекочёвка, когда любимый человек покинул мир живых и перекочевал со своим скарбом в инобытие. Завершается поминальный стих утраченным многими современными тюркскими языками глаголом аĉ- «вспоминать, напоминать, поминать» в условной форме первого лица множественного числа, объединяющей мир живых в едином порыве вселенской скорби по усопшим. Но поначалу на языке вертелся османский вариант с арабским союзом не из тенгрианской, а из совсем другой – исламской эпохи: غاسگآ وچوك بزچ وگنوس و قوا كڭيچا رازڭ
В турецкой транскрипции: Kız-er, için, ok u süngü çezip, köçü aňsağ. На современном турецком: Kız-er, için, ok ve süngü çözüb, göçü ansak. С этой надписью перекликается поминальное выражение, услышанное мною от тюркоязычных греков-урумов Северного Приазовья на кыпчакском и на огузском наречиях: Ічкенім сінсін – бойуна тійсін / Ічтігім сінсін – жанына дэгсін (Ičkenim sinsin – boyuna tiysin / Ičtigim sinsin – canına degsin) Пусть впитается моё питьё – пусть (моё слово) достигнет его души. Это древнее тюркское речение, пережившее тысячелетия, отражает изменение взгляда на загробный мир. Покойному уже не ставят в могилу продукты, посуду и вещи, которыми он пользовался. Плоть обратилась в прах. Поминающие обращаются к его бессмертной бесплотной душе, отделившейся от тела. В более древнем кыпчакском варианте ещё неразделимо – бой (boy) «тело; рост; сущность, душа», в огузском – жан (can) «дух, душа», по-персидски. Я счастлив, что надпись наконец прочлась, так легко и естественно. И лишь одна мысль не даёт мне покоя. Какая вдохновенная сила направляла руку автора надписи, чтобы он на оставленной для усопшего чаше выбрал именно эту часть, которая более чем за две тысячи лет не подверглась коррозии? Ведь вся остальная поверхность кесушки вокруг надписи изъедена до дыр, а изумительный по своей духовности и поэтической красоте стих совершенно не затронут, словно написан недавно. И вспоминаю, что и знаменитый кыпчакский письменный памятник «Кодекс Куманикус»,

невзрачный, написанный на бумаге, чуть ли не один-единственный уцелел – посреди кучи отсыревших, истлевших и превратившихся в кирпичи пергаментных фолиантов Петрарки в заброшенной на столетия кладовке. Поразительно! Как в этих строках из 90/91-го псалма Давида в кыпчакском переводе 1575 и 1580 годов: 1Kim dä tınıptır boluşluğundan / 1Kim ki dä turuptur boluşluğuna Biyiktäğiniñ, kölegäsi tibinä Teñriniñ köktä tıngay... 7Tüšsün / Tüşkäylär yañıñdan seniñ miñlär da tümänlär oñuñdan / sayıñdan seniñ, ki saña nemä / çaysi ki saña heç nemä yovuçlanmagaylar 1Живущий с помощью / при поддержке Всевышнего под сенью Бога-Тенгри покоится... 7Пусть падёт рядом с тобою тысяча, и десять тысяч справа от тебя, но к тебе не приблизятся. Поразительно и другое. Выходит, и в IV веке до нашей эры в Великой Степи, в том числе среди ираноязычных саков, тюркский был языком межнационального общения, а для большинства ее обитателей – и родным, как и во времена «Слова о полку Игореве», Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло! И еще один вопрос. Его ставили многие с самого начала. Центральное, собственно царское, дважды ограбленное захоронение археологами не было инвентаризовано и не описано. А при усопшем, похороненном в боковом склепе, не было лука со стрелами, типичного для мужчины-воина, но была туалетная сумочка с зеркальцем и кусочком красной краски, да еще бусы: 10 бусин из сердолика (одна крупная круглая, остальные очень мелкие) и 16 из пасты. Да и золотые бляшки не цельно золотые, а лишь обернуты золотой фольгой. Потому предполагалось, что это член семьи царя и не «алтын адам», а «алтын мадам». Надпись подтверждает второе. Кстати, кое-что подобное обнаружено в могильнике Акбейит неподалеку от Каркаралинска, где погребена 10-11-летняя сакская принцесса: при ней были золотые серьги с бирюзой и литая золотая гривна, а в ее косметичке, обтянутой кожей, лежало похожее бронзовое зеркальце. Вспоминается и головной убор 40-45-летней сакской царицы из Урджарского района Восточно-Казахстанской области – он тоже представляет собой саукеле. Но оружия ни при той, ни при другой не обнаружено. Если анализ ДНК покажет, что иссыкский скелет принадлежит все-таки юноше, а не девушке-батыру, то выходит, что надпись была адресована некой иной тюркоязычной Томирис и что ритуальная чаша из ее могилы попала в иссыкское боковое захоронение уже как бы не по изначальному адресу. Тем более, что и золотые перстни, приплюснутые, дабы не сползли с тонких пальцев нашего загадочного усопшего, скорее всего, тоже были трофейными – с чужой, более крупной руки. Остаются неразрешенными и другие сомнения: когда и кто именно нанес звучащую довольно по-турецки древнетюркскую надпись, из какого металла сделан инструмент для письма, адекватно ли прочитаны все символы и пр. Одно из них касается группы штрихов 26+27. Не попытка ли это написать для пробы на еще

одном свободном от коррозии месте слово *ci* (iç «пей, выпей»), причём не с принятой в данной надписи повернутой на 180° буквой *i* (L), а с обычной, как в Древнетюркском словаре 1969 года? Имеется вопрос в отношении знака для *ŋ* (7 и 22). Поскольку в орхоно-енисейских и других памятниках он отсутствует, мы транслитерируем его имеющейся буквой *n* шрифта *Öztürk* для звука *n*². В шрифте *Segoe UI Historic* есть более похожая и более зигзагообразная ее разновидность: *?*. Если последнюю рассечь наискось слева-сверху через центр направо-вниз, получится ровно две буквы, похожих на ту, что в нашей надписи обозначает *ŋ*, только поменьше: *NN*. Может быть, все-таки нам стоило отойти от рунического набора символов и ради наглядности воспроизводить ее родственной греческой буквой *N* или производной от нее тождественной латинской *N* без засечек? Мне порою также кажется, что слишком уж легко вкупе с повторными штрихами мною были отброшены и «завитушки» внизу некоторых букв. А вдруг это не помарки, а полнозначные символы, помещенные в позицию нижнего индекса? Ведь они и вправду напоминают буквы, употребленные в этом тексте самостоятельно. Попробуем их воспроизвести:

В этом варианте чтение меняется: *Qiz, egir içiŋ, oqu-sünügü čezib, köcü aŋsağ* Дочка, выпей айр, когда мы, отторочив стрелы и копья, будем поминать кочёвку. Вместо эпитета «герой» имеем название ритуального напитка из корня айра болотного, называемого еще татарским зельем, который шаманы использовали для достижения транса. По наблюдениям наркологов, доза корня айра в 5 см вызывает эйфорию и по действию равна амфетамину, а в 25 см – это уже психоделик, сопоставимый с современным наркотиком экстази. В результате – видоизменение сознания, в данном случае – иллюзия сверхъестественного контакта между мирами. Может нет, а может и да, если писавший обращался к этой девушке не как батыру и герою, а просто советовал испить конкретный чудодейственный напиток в момент, когда близкие объединятся для общения с ней на границе бытия и инобытия. Однако мы вряд ли узнаем, что было в чаше на самом деле, потому что наши археологи, привезя скарб к себе домой в Алма-Ату, поступили с ней, как аккуратная хозяйка со случайно подгоревшей любимой кастрюлькой, – тщательно очистили от грязи и серебряные чаши, и золотые пряжки-бляшки, соскребли с них ржавчину, вымыли дочиста кухонными средствами и довели до блеска чем попало, дабы – «О чудо!» – поразить их невообразимым допотопным сиянием сбежавшихся родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978.

2. Harmatta J. Languages and scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms. History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Ed. J. Harmatta. Co-ed. B. N. Puri, G. F. Etemadi: UNESCO Publishing, 1996, 411–412.

3. Гасанов З. Г. Иссыкская посвятельная надпись. Эпиграфика Востока, XXXI. М.: 2015: 34-59. Обзор чтений 28 авторов на полдюжине языков: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/30_Writing/CodexIssykInscriptionEn.htm

4. Аманжолов А. С. :

1) Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. «Вестник АН Казахской ССР», 1971, 12 (320), с. 64-66;

2) Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс. Алма-Ата, 1975;

3) Генезис тюркского рунического алфавита. Алматы, «Мектеп», 2003.